

ЛИТЕРАТУРА

1. Сивакова, Н. А. Документальная проза Светланы Алексиевич / Н. А. Сивакова // Слова і час: навук. чытанні, прысвечаныя памяці праф. У. В. Анічэнка: у 2 ч. Ч. 1. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2003. – С. 240–244.
2. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Яз. слав. культур, 2007. – 248 с.
3. Алексиевич, С. Чернобыльская молитва: Хроника будущего / С. Алексиевич. – М.: Время, 2007. – 384 с.
4. Alexievich S., Chernobyl Prayer: A Chronicle of the Future / S. Alexievich ; tr. by Anna Gunin, Arch Tait. – London: Penguin Classics, 2016. – 293 p.
5. Мамардашвили, М. К. Одиночество – моя профессия / М. К. Мамардашвили [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.philosophy.ru/library/mmk/odinoch.html>.
6. Юферова, Я. Почему люди говорят ей то, чего не рассказывают другим / Я. Юферова // Российская газета. – 2008. – 30 мая (размещена на сайте <http://www.alexievich.info/articles.html>).

The article aims to analyze the linguistic sign *zēml'a* (земля) in the dialogical structure of the text of Svetlana Alexievich's book *Chernobyl Prayer* and its translation into English. The axiologeme *earth* receives an adequate reconstruction in the translation which takes into account the associative background of the signs *earth, land, soil, ground, dust, home*, thanks to which the reader of the translated text is fully aware of the scale of the catastrophe that forced people to change the usual picture of the world and ways of interacting with it.

Поступила в редакцию 02.09.2020

А. В. Дубасова

ЛАТЫШСКИЕ ГЛАГОЛЫ НА *-ĒT*: ОБЗОР РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В статье на материале «Этимологического словаря латышского языка» анализируются значения двусложных глаголов с суффиксом *-ē-*. В современном латышском языке только этот старый суффикс не является указанием на спряжение глагола. Анализ проводится с точки зрения словообразующей базы и полученного категориального значения (в частности, каузативного и итеративно-дуративного). Анализ показал наличие связи между историческим значением суффикса *-ē-* и спряжением глагола.

В современном латышском языке выделяются три спряжения глагола, а сами глаголы делятся на первичные (имеющие односложный корень) и производные [1, 1pp. 545–547]. В данной статье будут рассматриваться только такие производные глаголы, которые образованы от односложной основы с помощью суффикса *-ē-*, не имеющего значения в современном языке, т.е. фактически являющегося тематическим гласным.

Глаголы с суффиксом *-ē-* (в инфинитиве они заканчиваются на *-ēt*) интересны тем, что, в отличие от всех других, утративших значение суффиксов, не являются маркером спряжения – незаимствованные латышские глаголы с этим суффиксом могут относиться как ко 2-му, так и к 3-му спряжению. По остальным суффиксам спряжение можно установить с высокой точностью [2, р. 134, 136], число исключений и колебаний невелико. Логично предположить, что современные глаголы на *-ēt* могут иметь разное происхождение.

Действительно, в диахронических описаниях латышского языка [3] *ē*-основы отсутствуют, а глаголы на *-ēt* описываются в рамках прабалтийских *i*- и *ējo*-основ, которые, упрощенно, и давали соответственно 3-е или 2-е спряжение. При этом указывается, что древние *i*-основы обычно обозначали различные состояния, а *ējo*-основы имели целый спектр значений: каузативное, итеративное, интенсивное; кроме того, *ējo*-основы являлись отыменными образованиями, а также были характерны для заимствованных глаголов. Таким образом, современные глаголы на *-ēt* обоих спряжений являются результатом многочисленных и длительных грамматических пересмыслений и преобразований.

Цель настоящего исследования – определить значения, которые имел суффикс *-ē-*, и проверить, есть ли корреляция между спряжением глагола и историческим значением суффикса.

Поскольку первые латышские тексты появились только в XVI в. [2, р. 2], то в некоторых случаях речь идет лишь о реконструкции. В качестве материала использовался этимологический словарь латышского языка [4], откуда ручным поиском было отобрано 255 единиц. В выборку включались только двусложные глаголы, поскольку в состав многосложных входят другие суффиксы. На этапе отбора были исключены глаголы, спряжение которых не удалось установить, а также глаголы с неустановленным значением суффикса.

Собранные глаголы были размечены по признакам: спряжение, словообразующая база (происхождение), значение суффикса, переходность.

Спряжение и переходность глагола определялись по примерам употребления либо по другим словарям ([5], [6]). В этимологическом словаре только для одного глагола (*mīlēt* ‘любить’) удалось обнаружить прямое указание на то, что данные характеристики изменились со временем. Поскольку в связи с отсутствием древних текстов нет возможности исключить смену спряжения и переходности для других глаголов, было принято решение для всех глаголов указывать их текущие свойства.

Словообразующая база и значение суффикса указывались согласно словарной статье¹. При этом дополнительно привлекались данные из этимологического словаря литовского языка [7].

¹ В некоторых случаях представленная в словаре версия не является единственно существующей. Если наличие альтернативных версий в словаре лишь упоминалось, то в качестве словообразующей базы указывалась принятая в словаре. Если же различные версии были представлены в словаре как в равной степени возможные, словообразующая база считалась неизвестной.

Предварительный количественный анализ полученных данных представлен в табл. 1 и в табл. 2.

Т а б л и ц а 1

Спряжение и переходность глаголов

Спряжение глаголов	Общее кол-во (%)	Кол-во переходных (%)	Кол-во непереходных (%)
Глаголы 2-го спряжения	126 (49,4)	105 (88,2)	21 (15,4)
Глаголы 3-го спряжения	124 (48,6)	14 (11,8)	110 (80,9)
Глаголы с колебанием в спряжении	5 (2,0)	–	5 (3,7)
Итого	255	119	136

Как следует из табл. 1, глаголы 2-го и 3-го спряжения составляют примерно равные группы. При этом можно заметить корреляцию между спряжением и переходностью глагола: большая часть переходных глаголов относится ко 2-му спряжению, а большая часть непереходных – к 3-му. Как уже отмечалось выше, спряжение и переходность глагола могли меняться со временем, поэтому представленные данные не являются абсолютно точными. Тем не менее отражаемые здесь тенденции можно считать верными, так как возможные изменения глагольных свойств определенно не носили массового характера.

Т а б л и ц а 2

Происхождение глаголов с суффиксом *-ē-*

Происхождение глаголов	Общее кол-во (%)
являются заимствованием	33 (12,9)
образованы от первичного глагола	145 (56,8)
образованы от звукоподражания	43 (16,9)
образованы от имени	27 (10,8)
происхождение неизвестно	7 (2,6)
Итого	255

Из табл. 2 вытекает, что более половины случаев составляют глаголы, образованные от первичных глаголов. Следующими по частотности являются глаголы звукоподражательного происхождения.

Из последующего анализа были исключены неопределенные случаи, а также глаголы, имеющие колебания в спряжении. В табл. 3 представлена статистика по глаголам 2-го и 3-го спряжения, в зависимости от их происхождения.

Т а б л и ц а 3

Происхождение vs. спряжение глагола

Происхождение глаголов	Спряжение глаголов		Итого
	2-е	3-е	
заимствованные	29	3	32
отвербальные	71	71	142
звукоподражательные	2	41	43
отыменные	19	5	24
Итого	121	120	241

Можно отметить следующие тенденции:

1) заимствованные глаголы, как правило, относятся ко 2-му спряжению (90,6 %), примеры: *klauvēt* ‘стучать’¹ (2-е спр.), но *zvērēt* ‘присягать, клясться’ (3-е спр.);

2) отыменные глаголы чаще относятся ко 2-му спряжению (79,1 %), примеры: *laimēt* ‘выиграть’ (от *laime* ‘счастье’; 2-е спр.), но *čumēt* ‘кишеть’ (от *čuma* ‘множество мелких животных’, 3-е спр.);

3) глаголы звукоподражательного происхождения, как правило, относятся к 3-му спряжению (95,3 %), примеры: *brakšķēt* ‘трещать’ (3-е спр.), но *aurēt* ‘выть, протяжно кричать’ (2-е спр.);

4) глаголы, образованные от первичных глаголов, в равной мере относятся ко 2-му и 3-му спряжениям, примеры: *berzēt* ‘тереть’ (от *berzt* ‘то же’, 2-е спр.), *gulēt* ‘спать, лежать’ (от *gult* ‘ложиться’, 3-е спр.).

Что касается отыменных (образованных от существительных и прилагательных) глаголов, то в исторических грамматиках и этимологических словарях они никак не классифицируются, а лишь обозначаются пометой *denominativum*. Таких глаголов в выборке, несомненно, слишком мало, чтобы уверенно говорить о формируемых ими семантических классах, однако можно выделить следующие группы:

1) действия, выполнение которых связано с конкретным инструментом (глагол образован от названия инструмента): *airēt* ‘грести (веслами)’ (от *airis* ‘весло’), *zāģēt* ‘пилить’ (от *zāģis* ‘пила’);

2) действия, подразумевающие физическое или психическое воздействие на объект: *nāvēt* ‘убивать’ (от *nāve* ‘смерть’), *priecēt* ‘радовать’ (от *prieks* ‘радость’);

3) изменения состояния: *vājēt* ‘худеть, тощать’ (от *vājš* ‘слабый’);

4) процессы и состояния: *gailēt* ‘гореть, тлеть; светиться’ (от *gails* ‘светлый, яркий; пылающий’), *mīlēt* ‘любить’ (от *mīļš, mīls* ‘милый, любимый’).

Рассмотрим более подробно самую многочисленную, отвербальную, группу глаголов.

В этимологическом словаре обозначаются следующие значения глаголов: каузативное (напр., *dīdzēt* ‘прорашивать’ от *dīgt* ‘прорасти’; *briedēt* ‘вызреть’ от *briest* ‘то же’), дуративное (напр., *sāpēt* ‘болеть’ от *sāpt* ‘то же’), итеративное (напр., *gārdzēt* ‘хрипеть’ от *gārgt* ‘то же’), интенсивное (напр., *driķstēt* (< *drištēt*) ‘сметь, иметь право’ от **drist²*), а также их сочетания. При этом часть первичных глаголов сохранилась в литературном языке (63 из 142), часть лишь реконструируется. Очевидно, что семантика многих глаголов со временем менялась, а суффиксальные значения могли теряться, поэтому в современном языке сохранившиеся бывшие пары типа «глагол + его итератив», «глагол + его каузатив», как показывают примеры, перестали быть парами.

¹ Перевод примеров отражает только современное значение слов; исторические семантические переходы и изменения в переводах не отражаются ввиду ограничений в объеме статьи.

² Значение реконструируемого слова не указано.

В собранной выборке чистое итеративное значение имеют 73 глагола (*drebēt* ‘дрожать’), чистое каузативное – 35 глаголов (*dzemdēt* ‘рожать’), чистое дуративное – 2 (*dzeltēt* ‘желтеть’), чистое интенсивное – 1 (*driḱstēt* ‘сметь, иметь право’). Еще 33 глагола имеют сочетания значений. Всего 6 таких сочетаний по словарю: «каузатив и итератив» (*jaucēt* ‘приручать’), «интенсив (дуратив)» (*klusēt* ‘молчать’), «итератив-дуратив» (*gruzdēt* ‘тлеть’), «итератив-интенсив» (*dimdēt* ‘греть’), «итератив, каузатив» (*trūdēt* ‘гнить, разлагаться’), «итератив (дуратив)» (*cerēt* ‘надеяться’). К сожалению, в словаре не дается комментария, чем отличаются пометки типа «каузатив и итератив» и «итератив, каузатив». Фактически можно выделить 4 сочетания: «итератив + дуратив» (23 глагола), «итератив + интенсив» (6 глаголов), «каузатив + итератив» (2 глагола), «интенсив + дуратив» (2 глагола). Поскольку таких сочетаний в любом случае слишком много для выборки данного размера, анализ проводился не по всем указанным возможным вариантам, а по основным глагольным значениям и по значениям в отдельности.

Из приведенной статистики очевидно, что основные глагольные значения – это каузативные и итеративные. Следует отметить, что многие глаголы, имеющие в данном словаре пометку «итератив», классифицируются как «дуратив» в этимологическом словаре литовского языка. Поэтому для следующего анализа значения были перераспределены по категориям «каузативность» и «итеративность-дуративность», а затем соотнесены со спряжением глаголов. Результаты представлены в табл. 4.

Т а б л и ц а 4

Категория vs. спряжение глагола

Значение глаголов (категория)	Спряжение		Итого
	2-е кол-во (%)	3-е кол-во (%)	
итеративность-дуративность	40 (37,7)	66 (62,3)	106
каузативность	31 (86,1)	5 (13,9)	36
Итого	71	71	142

Как видно из табл. 4, глаголы с каузативным значением чаще всего относятся ко 2-му спряжению. В случае итеративно-дуративного значения преобладают глаголы 3-го спряжения.

Сходные результаты дает и отдельный анализ по всем четырем значениям (при этом анализе, в отличие от предыдущего, глагол может одновременно учитываться в двух группах значений). Результаты представлены в табл. 5.

Таблица 5

Значение vs. спряжение глаголов

Спряжение глаголов	Значение глаголов, кол-во			
	каузативность	итеративность	дуративность	интенсивность
2-е	31	39	7	3
3-е	6	63	20	6
Итого	37	102	27	9

Из данных также следует, что каузативные значения характерны для глаголов 2-го спряжения. Итеративное, а также дуративное и интенсивное значения более характерны для 3-го спряжения, но поскольку дуративных и интенсивных глаголов слишком мало в данной выборке, говорить о том, что они соотносятся с 3-м спряжением, можно лишь с осторожностью.

Стоит также отметить, что все представленные значения выражались и другими суффиксами. Т.е. на этапе, доступном для наблюдения, узкой специализации суффиксов не было. Однако можно говорить о том, что на наблюдаемом этапе у суффикса *-ē-* было два основных значения – каузативное, коррелирующее со 2-м спряжением, и итеративно-дуративное, чаще продуцирующее глаголы 3-го спряжения. Данные значения соотносятся со статусом переходности-непереходности глагола (табл. 6).

Таблица 6

Категория vs. переходность глагола

Значение глагола (категория)	Переходность		Итого
	переходные глаголы, кол-во (%)	непереходные глаголы, кол-во (%)	
итеративность-дуративность	41 (38,7)	65 (61,3)	106
каузативность	30 (83,3)	6 (16,7)	36
Итого	71	71	142

На основании всего проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. В доступный для наблюдения период латышские глаголы с суффиксом *-ē-* уже характеризовались разнообразием и значений, и словообразующих баз.

2. По происхождению рассматриваемые глаголы распределяются на образованные от первичных глаголов (большая часть), звукоподражательные, заимствованные, отыменные.

3. Отыменные глаголы с суффиксом *-ē-*, при их небольшом количестве, семантически неоднородны: они обозначают как активные действия, обычно связанные с воздействием на объект, так и пассивные процессы, состояния и изменения состояния.

4. У отвербальных глаголов суффикс *-ē-* имел ряд значений (каузативное, итеративное, дуративное, интенсивное), которые могли комбинироваться. Стоит отметить, что ни одно из этих значений не было характерным только для глаголов с этим суффиксом.

5. Происхождение глагола коррелирует с его спряжением: заимствованные, отыменные и отвербальные каузативные глаголы обычно относятся ко 2-му спряжению, а звукоподражательные и отвербальные итеративно-дуративные – к 3-му.

6. Противопоставление каузативности и итеративности-дуративности, по-видимому, сыграло значимую роль в развитии латышской глагольной морфологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Auziņa, I.* Latviešu valodas gramatika / I. Auziņa ; red. : J. Grigorjevs, D. Nītiņa. – Rīga : LU Latviešu valodas institūts, 2013. – 1024 lpp.
2. *Prauliņš, D.* Latvian: An Essential Grammar / D. Prauliņš. – London & New York : Routledge, 2012. – 264 p.
3. *Endzelīns, J.* Latviešu valodas gramatika / J. Endzelīns. – Rīga : LVI, 1951. – 1100 lpp.
4. *Karulis, K.* Latviešu etimoloģijas vārdnīca : 2 sēj. / K. Karulis. – Rīga: Avots, 1992. – 1. sēj. A – O. 639 lpp., 2. sēj. P – Ž. 671 lpp.
5. Mūsdienu latviešu valodas vārdnīca [Elektroniskais resurss] / red. : I. Zuicena, A. Roze. – LU Latviešu valodas institūts. – 2020.08.05. – Pieejas režīms – <https://tezaurs.lv/mlvv/>.
6. *Mīlenbahs, K.* Latviešu valodas vārdnīca [Elektroniskais resurss] / K. Mīlenbahs, J. Endzelīns. – LU Matemātikas un informātikas institūts. – 2020.08.05. – Pieejas režīms – <https://tezaurs.lv/mev/>.
7. *Smoczyński, W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego [Resurs elektroniczny] / W. Smoczyński. – 05.08.2020. – Dostępny w Internecie: <https://dl.dropboxusercontent.com/u/21280621/Smo%D1%81zy%C5%84ski%20W.%20S%C5%82ownik%20etymologiczny%20j%C4%99zyka%20litewskiego.pdf>.

The article analyzes the meanings of disyllabic Latvian verbs with the suffix *-ē-* in terms of the word-forming base (verb's origin) and the resulting categorial meaning. The analysis showed a clear impact of the historical meaning of the suffix *-ē-* on the conjugation of the verb and revealed that the opposition of causativity and iterativity-durativity has played an important role in Latvian morphology development.

Поступила в редакцию 03.09.2020